

История и современность

В своем предисловии к «Отверженным» Вильер Гюто писал: «До той поры, пока существует социальное проклятие, опирающееся на законы и нравы... творящие ад на земле, до той поры, пока существует нищета и невежество, жалки, подобие этой, окажутся, быть может, небеломыслими».

Роман «Отверженные» не утратил своего социального звучания до наших дней. Современные ассоциации, которые вызывают многие главы романа, напугали паву Пия XII, — он исключил произведение В. Гюто в индекс запрещенных книг. Напугали они и «американскую партию» во Франции, которая питает введенную злобу к самому имени Гюто, как и к писателям Балзак, Анатолю Франсу и Мопассану — национальной гордости французского народа.

Показание «Отверженных» на сцене Театра им. Вахтангова не может не вызвать к себе интереса со стороны советского зрителя. Пусть мировоззрение Гюто часто противоречиво и наивно, пусть иные ситуации романа несубедительны с точки зрения исторической и жизненной правды, но там, где Гюто говорит о своем народе, о его страданиях и мучениях, о социальном протесте, — там творчество писателя достигает подлинного величия. С гневом и ненавистью говорят Гюто о буржуазных риторах, обманывающих народ, страстно разоблачает мораль эксплуататорского общества.

Перед автором миссии прокламации С. Радиксис стояла сложная и трудная задача — претворить обширный материал романа «Отверженные» в произведение для сцены. Драматург не соблазнился побочными ситуациями, как бы они ни были выиграны с точки зрения «театральности», и построил композицию, утверждающую главную тему — тему угнетенного человека. На сцене воскрешаются не тусклое изображение, созданные великим французским романистом: доведенный голодом до преступления Жан Вальжан, измученная нищетой и страданиями своего ребенка Фантина, обездоленная девочка Косетта... Пьеса начинается с того момента, когда Жавер сбрасывает разбавить Жана Вальжана, и завершается оркестром на баррикаде, где участвуют основные действующие лица.

Тема социального угнетения, положенная в основу спенической композиции, подчеркнута уже в самом начале пьесы. В глазах всех окружающих Жан Вальжан — уважаемый мэр города, но полицейский инспектор Жавер, свирепый «сохранитель порядка», замечает его — ненавидит не потому, что подхвывает в нем бывшего каторжника, а потому, что подхвывает в нем бывшего рабочего. «Те, кто являлся, — говорит Жавер, — ослепли и подозрительны для тех, кто являлся».

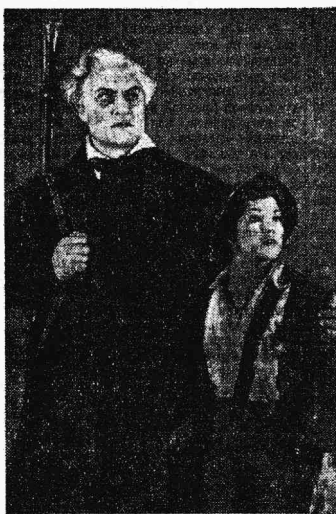
Трагедия Жана Вальжана, жертвы жестокого буржуазного строя, человека, познавшего все меры густоты этих подлых законов и нравов. А. Абрикосов передает с покоряющей неистовостью и простотой. Весь жесткий облик Жана Вальжана, его речь и движения исполнены благородства и суровой сдержанности. Подлинный представитель народа Фантин, он несет тяжкий гнет свой не как покорный раб, а как страстный и непримиримый борец, верный в правду свое торжество справедливости.

В дальней печати уже понимался понос о значении классического монолога, несправедливо забываемого блестящими драматургами. Нет нужды доказывать, что форма монолога позволяет наиболее полно выразить сокровенные мысли и чувства геро-

Роман В. Гюто „Отверженные“ на сцене

ев. В первом действии «Отверженных» есть монолог, раскрывающий «бурю под черепом» у Жана Вальжана. Это была ли не самое сильное место в спектакле. И, несмотря на то, что монолог по размерам велик, зритель слушает его с неослабевающим напряженным вниманием.

Рядом с Жаном Вальжаном и подлинного героя спектакля вырастает

Сцена из спектакля. Жан Вальжан — А. Абрикосов, Гаврош — Н. Генералова. Фото Б. Борисова.

Гаврош. Уже с первого своего появления артистка Н. Генералова, исполняющая эту роль, привносит к себе много зрителей, заставляя за мальчишеской непосредственностью и озорством угадывать отважность и цельную натуру. Годовный, но все-таки Гаврош — дитя лирических моментов — уже прошел суровую школу жизни. В его движениях, выходящих — безмерное превращение в сытый буржуа и сознание собственного превосходства над ними. Истинным ребенком, извращенного развития жизни, он увидел их паразитическую сущность. Генералова принесла на сцену биографию своего Гавроша — и в этом секрет ее очарования в этой роли, секрет той убеждающей силы, которой исполнена та трагическая фигура маленького борца. Когда Гаврош, серьезный и чуть торжественный, озабоченный пафосом борьбы, идет на баррикады революции, улетая за собой старое Жан Вальжана, артистка, а вместе с ней и весь спектакль, поднимается до большого трагического звучания.

Качества, отличающие эту Генералову, в большой мере присутствуют и у актрисы Ю. Ефремовой, исполняющей роль Эпонимы. Колоритный пестрый рисунок образа — свобода движений, размашистый жест, смелый, прямой дерзкий взгляд. — Все это вытекает, как проявление того типического, что и составляет сущность характера Эпонимы, своеобразного и вместе с тем столь глубокого связанного со своим оплотом, с социальной опядой. Ненависть, ярость к буржуазному лагерю — органическая природа этого характера. Пусть сама Эпонима лишена общественного самосознания, пусть она не понимает своего места в борьбе, — тем догма событий ведет ее на баррикады. Сюда тянется она всем своим существом, и это существо-

раскрыто Бориковой так полно и ярко, что зритель верит — нет, не только любовь к Маркусу делает поступками Эпонимы. Така Эпонима, какой рисует ее Борикова, не может оказаться в стане буржуазии, как не может и остаться вне борьбы.

Актриса Вальжана — гнусный обманщик порядка, созданный «теми, кто наверху», — полицейский инспектор Жавер. Это он погубил Фантину, это он все жизнь преследует Вальжана. Н. Плотников не прибегает к полуголовкам, Краски ступени. Застылая маска лица неизменно выражает одно — мрачную злобу и бездушие. И здесь нет преувеличения. Это — великий образ профессионального лицеиста буржуазии, жизнь которого целиком впитана в непримиримую ненависть ко всему чистому и светочу.

В лагере, праздничном лагере, мы видим и господина Амата (арт. А. Марьян), таинственный под лицемерной фразой о единстве всех французцев жестокость и жадность буржуа, и кабатчика Генарда (арт. В. Осеев), горючего тем, что на него «работают другие», и его супругу (арт. Н. Русина), «софиста в юбке», для которой открытый протест — та же коммерция.

Но при всей выразительности и жизненной достоверности этих фигур наш зритель отдал свое внимание прежде всего тем героям, которые дороже ему своими чистыми и возвышенными идеалами, своей честной жизнью. Это герои монастыря Сен Мерри, «которые в то время (1830—1836) были действительно представителями народных масс» (Энгельс), и друзья которых в тот же день сражались на баррикаде на улице Шатлерри.

Здесь мы должны бросить серьезный упрек режиссуре. Образы молодых революционеров, самоотверженных членов тайного общества, предстают перед нами бесцветными. В пьесе им отведено весьма скромное место, но именно поэтому и следовало тщательно разработать композицию эпизода на баррикаде, добиться максимальной выразительности спенических портретов этих действующих лиц. Ведь в романе Гюто дано достаточно яркое, детальное и точное описание защитников баррикады. Автор говорит о том, что здесь были рабочие всех возрастов — и бедные подростки и мужественные, покрытые шрамами воины. На сцене же мы видим горстку безликих фигур, — людей, лишённых характеристик. Где та святая ненависть к миру зла и насилия, которая владеет парижским подпольем? Ни Я. Сомельскому, играющему Феликса, ни М. Марковскому, исполняющему роль Жюль, не удалось наполнить дышащим жизни эти образы. Нельзя считать удачей и роль студента Анжольраса, которую исполняет Ю. Либман. Романтический юноша, вдохновенно произносящий страстные речи, его Анжольрас и отдаленно не напоминает нам вождя на баррикаде.

Эти недостатки тем более досадны, а тем более требуют осмысления и исправления, что в целом спектакль создан на прочной основе верного идейного замысла, правдиво, вдохновенно и слаженно сыгран. Воспитательное значение спектакля бесспорно. Трагедия социального угнетенного человека, эпизоды борьбы французского народа за торжество справедливости воссозданы на сцене Театра им. Вахтангова так живо и современно, что зритель за протяжении всего спектакля верно связывает события пьесы с сегодняшним днем трупащихся Франции, борющихся за мир, за демократию.

И. ОСИПОВ.